

Часть четвёртая

СТРАСТИ ПО РУБЦОВУ

ЭКСПЕРТЫ О СМЕРТИ Н. М. РУБЦОВА

19 января 1971 года умер поэт Николай Михайлович Рубцов. Так получилось, что он умер в Вологде, и судебно-медицинскую экспертизу его трупа проводили тоже в Вологде – врач-судебно-медицинский эксперт Высоцкий Альберт Фёдорович (ныне не жив). Тогда было установлено, что смерть Рубцова наступила в результате механической асфиксии от сдавления органов шеи руками. В 2000 году врачами-судебно-медицинскими экспертами из Санкт-Петербурга Юрием Александровичем Молиным и Александром Николаевичем Горшковым на основании изучения копии приговора Вологодского городского суда от 7 апреля 1971 г. по уголовному делу № 22-406 было составлено Мнение специалистов, в котором они приходят к следующему заключению:

«1. В приговоре суда приводятся ссылки на «Акт судебно-медицинской экспертизы», из которого следует, что «смерть Рубцова Н. М. наступила от механической асфиксии от сдавления органов шеи руками и что перед смертью Рубцов был в состоянии средней (близко к сильной) степени опьянения».

Указанное суждение вызывает ряд принципиальных возражений:

– о развитии механической асфиксии при жизни говорит ряд классических симптомов, доступных постороннему наблюдению, в том числе непрофессиональному: судороги, одышка, выделение мочи, кала. Отсутствие этих симптомов подтверждается не только свидетельством Л. А. Грановской (Дербиной), но и объективными данными (наличие мочи в трупе, направленной экспертом для судебно-химического исследования);

– для финального этапа механической асфиксии типичны утрата сознания и полная мышечная атония (расслабление). У Н. М. Рубцова отсутствовали и эти симптомы: он кричал за несколько секунд до наступления смерти осмысленные фразы, что подтверждается показаниями незаинтересованных свидетелей, а затем перевернулся на живот, что подтверждается протоколом осмотра места происшествия и соответствующей фотографией;

– типичными для удавления руками повреждениями являются переломы подъязычной кости и хрящей гортани, кровоподтеки и ссадины, свидетельствующие о достаточно длительном (не менее нескольких десятков секунд) локальном давлении пальцев рук нападавшего, и, соответственно, по форме и размерам соответствующие подушечкам пальцев (кровоподтеки) и краям ногтевых пластинок (полулунные ссадины). В обсуждаемом случае говорится лишь о царапинах, характерных для касательного (тангенциального), скользящего воздействия ногтей на кожу.

На момент составления экспертного документа действовало Методическое письмо Главного судебно-медицинского эксперта МЗ СССР «Об обнаружении и определении этилового спирта в трупном материале и судебно-химического анализа» (1961), однозначно трактующее концентрации этилового спирта. Судебно-медицинский эксперт, исследовавший труп Рубцова Н. М., был обязан конкретно оценить степень опьянения. По неясным причинам, этого сделано не было. Особенности поведения Рубцова Н. М. и обнаруженная в крови из его трупа концентрация этилового спирта однозначно свидетельствует о наличии у него опьянения средней тяжести, сопровождающегося значительной эмоциональной неустойчивостью, иногда опасной для окружающих, и другими признаками, приведенными в вышеуказанном Методическом письме (М., 1961).

Помимо возражений по существу экспертного документа, имеется и неправильность его оформления – при наличии постановления следователя о проведении экспертизы, соответствующий экспертный документ должен именоваться «Заключением», а не «Актом», как это говорится в приговоре.

2. Изложенные в п. 1 данные дают основание специалистам усомниться в наличии у погибшего Н. М. Рубцова механической асфиксии. Специалисты считают необходимым указать, что вышеуказанные признаки механической асфиксии и удавления руками являются классическими, имеющимися во всех учебниках судебной медицины со второй половины XIX века, поэтому судебно-медицинский эксперт, производивший экспертизу трупа Рубцова Н. М., обязан был знать о них.

3. Анализ данных, содержащихся в разделе «Исследование», позволяет констатировать, что

– Н. М. Рубцов длительное время (многие годы) злоупотреблял спиртными напитками;

– Указанное злоупотребление к концу 1960-х – началу 1970-х гг. сформировало у Н. М. Рубцова заболевание – хронический алкоголизм с поражениями сердца (алкогольной кардиомиопатией). Последнее доказывается наличием у него жалоб на неприятные ощущения и боли в сердце, обращениями по поводу них за медицинской помощью, приемом сердечных средств, приносявших облегчение состояния;

– Сочетание в последние часы жизни у Н. М. Рубцова ряда объективных факторов: выраженного алкогольного опьянения (в фазе элиминации – окисления и выведения этилового спирта из организма, о чем свидетельствует превышение его в моче над концентрацией в крови), выраженного психо-эмоционального стресса, несомненно сопровождавшего предсмертную ссору, физического перенапряжения, связанного с обоюдным причинением телесных повреждений (при судебно-медицинской экспертизе Грановской Л. А. обнаружены рана и кровоподтек губы, царапины на руке и ноге) и борьбой, что подтверждается выраженным беспорядком при следственном осмотре места происшествия.

Сочетание указанных «факторов риска» могло способствовать декомпенсации сердечной деятельности. В данной ситуации перенапряжение, связанное с освобождением от рук нападавшей и ее резкое отталкивание явились последним фактором, который мог вызвать развитие острой сердечной недостаточности, приведшей к смерти.

4. Одновременно специалисты обязаны указать, что категоричное суждение о причине смерти Рубцова Н. М. может быть высказано лишь по результатам повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы по материалам уголовного дела (с привлечением специалистов в области судебной медицины, наркологии, кардиологии), так как полнота и научная обоснованность судебно-медицинского исследования трупа Рубцова Н. М. вызывает серьезные сомнения».

Это мнение послужило поводом к множеству разного рода публикаций в прессе и в Интернет-пространстве. В основном рефлексия представлена журналистами, поэтами, почитателями таланта Николая Рубцова. Ниже приводится часть материалов по этой теме. Кроме того, Михаил Суров (ныне тоже не жив, а я волею судьбы проводил судебно-медицинскую экспертизу трупа М. Сурова, но это другая история) выпустил достаточно «толстую» книгу «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства».

В архиве государственного учреждения здравоохранения Вологодской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы» в 2007 году я не нашёл Заключения эксперта (или Акта судебно-медицинского исследования трупа) по Рубцову Н. М. – либо подшивку с документами механически уничтожили по истечению срока хранения, либо она утратилась при двух переездах отдела судебно-медицинской экспертизы трупов – с Советского проспекта на Пошехонское шоссе в здание областной психиатрии и оттуда в собственное здание на Пошехонском шоссе, 27б.

Как врач-судебно-медицинский эксперт соглашусь с тезисом № 4 Ю. А. Молина и А. Н. Горшкова о том, что категоричное суждение о причине смерти Рубцова Н. М. может быть высказано лишь по результатам повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы

по материалам уголовного дела. Этот документ лишь частное мнение врачей-судебно-медицинских экспертов Ю. А. Молина и А. Н. Горшкова по данному вопросу.

Надо пояснить не профессионалам (не юристам, не судебным медикам), что врачи-судебно-медицинские эксперты из Санкт-Петербурга не проводили судебно-медицинской экспертизы ни трупа, ни документов (Заключения эксперта, или Акта исследования трупа Рубцова Н. М.). Мнений может быть сколько угодно, но есть порядок, закон.

Согласно Российскому законодательству порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-процессуальным Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации. Порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства. При производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия.

Согласно уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию в том числе событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем

производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом. Подозреваемый, обвиняемый и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста (эта норма введена только в 2003 году Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ, мнение специалистов из Санкт-Петербурга датировано январём 2001 года); вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Заключение эксперта – представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Заключение специалиста (именно так «Заключение специалиста») – представленное в письменном виде суждение по вопросам,

поставленным перед специалистом сторонами (часть введена Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ).

Согласно Статьи 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств.

Гуричев А. А.

ПОЭТЫ О СМЕРТИ Н. М. РУБЦОВА

Журнал «Бег» № 8, 2009 г. Санкт-Петербург.

РУБЦОВ И ДЕРБИНА

*Вводная часть интервью Владимира Хохлева
с Людмилой Дербиной*

Все россияне знают песни «Я буду долго гнать велосипед...», «В горнице», «Улетели листья с тополей...» и многие другие, написанные на стихи великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова.

Людмила Александровна Дербина – последняя любовь Рубцова – тоже поэт. На ее стихи также сочиняют песни. Наиболее известны из них «Милый север», «Рожь».

Рубцов, в возрасте 35 лет, умер в Вологде при до конца не выясненных обстоятельствах (скорее всего от сердечного приступа) в ночь с 18 на 19 января 1971 года. Дербина, бывшая в тот момент рядом, решила, что именно она явилась причиной смерти поэта и, как честный человек, о том, что произошло между нею и Рубцовым в ту ночь, честно рассказала правоохранительным органам. Искренно надеясь, что специалисты-профессионалы дотошно разберутся во всех деталях. Ее первая фраза в милиции была: «Я, кажется, убила человека». На вопрос: «Как ты его убила?» – она ответила: «Задушила...»

Разве могла быть честной правоохранительная система СССР, созданная такими «столпами» права, как Вышинский, Ежов или Берия? Признание в убийстве оказалось на руку не только Советской власти, но и верхушке писательской организации Вологды.

После поверхностного следствия, по указанию обкома партии, Вологодский городской суд приговорил Дербину за умышленное убийство к восьми годам лишения свободы.

Отсидев 5 лет и 7 месяцев, получив условно-досрочное освобождение, Дербина перестала считаться преступницей и почти два десятка лет не привлекала к себе внимания.

В 1994 году вышла в свет ее книга стихов «Крушина», предисловие к которой в свое время написал сам Николай Рубцов. «Крушина» вызвала безжалостную, с потоками откровенной клеветы, травлю Дербиной, которая не прекращается и по сей день.

В конце 2000 года профессор кафедры судебной медицины Юрий Молин дал заключение об отсутствии характерных признаков механической асфиксии (удушения) Николая Рубцова. После чего петербургский поэт Андрей Романов 19 июня 2001 года опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Поэта Рубцова никто не убивал».

В том же 2001 году Дербина издала книгу воспоминаний о Рубцове «Все вешало нам грозную драму...», которая спровоцировала новую волну гонений и надругательств. Пиком их стал выход в свет в 2006 году в Вологде многостраничной книги «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства», в которой Дербина поставлена в один ряд с убийцей Джона Леннона.

26 июня 2008 года в прямом эфире 1-го канала Людмила Дербина сказала: «Я 37 лет думаю – убила я его или нет... Я не добиваюсь ничего. Мне хотелось бы, чтобы восторжествовала истина»...

Владимир Хохлев

Газета «Комсомольская правда» 19 июня 2001 года

ПОЭТА РУБЦОВА НИКТО НЕ УБИВАЛ

Спустя 30 лет после трагической гибели выдающегося русского поэта проведено новое исследование по самому нашумевшему делу 1970-х годов. Результат ошеломляющий: петербургские судмедэксперты подтверждают – поэта Рубцова никто не убивал.

Если выводы петербургских экспертов подтвердятся, то гражданская жена Рубцова Людмила Дербина, обвиненная в этом убийстве и отсидевшая 6 лет, возможно, в лучшем случае будет реабилитирована. В худшем после пересмотра дела ей будет изменена мера наказания... Официальная версия. Смерть поэта до сих пор является источником многочисленных спекуляций и совершенно нелепых версий. В окололитературных кругах, например, есть люди, искренне убежденные, что убийство поэта было... ритуальным. Единственное, в чем никогда не было сомнений, – кто сделал это.

Из материалов Вологодского городского суда: «...Подсудимая познакомилась с Рубцовым Н. М. в 1963 году... В 1969 году, расторгнув брак с мужем, переехала из Воронежа в Вологду и пришла к Рубцову Н. М. Устроившись на работу в сельскую библиотеку, стала встречаться с Рубцовым и вскоре вступила в интимную связь с ним...

8 января 1971 года подсудимая и Рубцов подали заявление о регистрации брака. 18 января 1971 года в течение дня Рубцов распивал спиртные напитки сначала в шахматном клубе, затем в ресторане «Север», а впоследствии на квартире. В 23 часа он и подсудимая остались одни. Между ними возник скандал, инициатором которого был Рубцов. В 4 часа утра скандал между Рубцовым и подсудимой перерос в драку, в ходе которой оба упали на пол. Рубцов кричал: «Я люблю тебя, Люда...» Эти последние рубцовские слова пересказывали по-всякому. Многие уверены, что на самом деле поэт произнес: «Я же люблю тебя, Люда». И вот это добавленное «же» как бы подтверждало вывод следствия о том, что убийство было умышленным. Отсюда – немалый срок в 8 лет. В юридической практике тех лет в схожих по обстоятельствам ситуациях обвиняемые нередко получали условные сроки...

«...Подсудимая схватила Рубцова за шею и задушила его. После того как Рубцов скончался, подсудимая сделала приборку в комнате и пошла в милицию, где сообщила, что она убила Рубцова Н. М.... Вина подсудимой доказана: Актом судебно-медицинской экспертизы, которой установлено, что смерть Рубцова Н. М. наступила от механической асфиксии, от сдавления органов шеи руками, и что перед смертью Рубцов Н. М. был в состоянии средней (близкой к сильной) стадии опьянения».

Слово обвиняемой. У этого убийства не было очевидцев, и все доказательства опирались на показания Людмилы Дербиной и выводы вологодских судмедэкспертов. Но, как выяснилось спустя много лет, та картина убийства, которую в 1971 году рассматривал суд, отличалась от реальной...

В 1998 году Людмила Дербина обратилась с жалобой к председателю Федерального областного суда города Вологды: «Несправедливое решение суда послужило хорошей платформой для разного рода клеветников, которые договорились до того, что я агент КГБ и была подослана к Рубцову. Травля обострилась, когда в 1993 году были опубликованы мои воспоминания о Николае Рубцове, а в 1994 году был издан сборник стихов «Крушина», имеющий среди читателей несомненный успех. Я полностью отрицаю вину в умышленном убийстве Рубцова»... Дербина просит повторно рассмотреть ее дело, ведь суд когда-то не придавал значения тому, с какой нереальной легкостью женщина совершила это убийство... Вот как описывает последние жуткие минуты жизни поэта сама Людмила Дербина: «Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей... Другой рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, я стала тереть его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя! Люда, я люблю тебя!»... Сильным толчком Рубцов отбросил меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная толчком, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то

самое белье, которое рассыпалось по полу при нашем падении. Все это произошло в считанные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, что его толчок был агонией, что, уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся» Можно усомниться в эмоциях женщины, можно не доверять воспоминаниям человека, который пытается спустя много лет вольно или невольно обелить свой страшный проступок... Но, когда по просьбе Дербиной уголовным делом заинтересовались компетентные питерские медэксперты, после ряда следственных действий картина убийства предстала в ином свете...

30 лет спустя: слово экспертов. В конце 2000 года Юрий Молин, профессор кафедры судебной медицины, и Александр Горшков, заведующий медико-криминалистическим отделом областного бюро судмедэкспертизы, государственный судебно-медицинский эксперт высшей категории, провели следственный эксперимент с участием Людмилы Дербиной. Смоделированные трагические события фиксировались на видеокамеру. И вот что рассказала экспертам «убийца» поэта:

– Здоровье Рубцова в последние месяцы жизни удовлетворительным назвать было нельзя. На боли в сердце жаловался. У него всегда был валидол в кармане. Друг Рубцова Сергей Чухин в своих воспоминаниях писал: «Рубцов болел. На столе рядом с диваном были разбросаны разнокалиберные таблетки. «Знаешь, сердце прихватывает»... 4 января 1971 года (за несколько дней до трагедии. – Прим. автора) сердечный приступ случился прямо в Союзе писателей. Хотели вызвать «Скорую», но он отказался. Видимо, опять обошелся своими карманными лекарствами. 5 января он ходил по дому, согнувшись, держа правую руку на сердце. Должна была сохраниться его медицинская карта в поликлинике по месту жительства, но следствие не сочло нужным с ней ознакомиться...» ...Вологодские эксперты не обратили внимания и на то, что симптомы смерти Рубцова никак не похожи на симптомы смерти от механической асфиксии: не было ни судорог, ни одышки, ни выделения мочи и кала. Это подтверждают не только заинтересованная Людмила Дербина, но и объективные данные – наличие мочи в трупe, направленной экспертами для судебно-химического исследования. Для финального этапа механической асфиксии типичны утрата сознания и полное расслабление. Рубцов кричал перед смертью осмысленные фразы, это подтвердили соседи, а затем перевернулся на живот. При удушении на коже остаются кровоподтеки и ссадины, соответствующие подушечкам пальцев, на теле Рубцова были лишь царапины...

Вывод оказался однозначным: Рубцов умер сам, от сердечного приступа, который спровоцировал хронический алкоголизм с поражениями сердца: «...перенапряжение, связанное с освобождением от рук нападавшей, и ее резкое отталкивание явились последним фактором, который

мог вызвать развитие острой сердечной недостаточности, приведшей к смерти».

В деле поэта остается еще множество вопросов: почему эксперты не обратили внимания на то, что в картине «убийства» отсутствуют классические признаки механической асфиксии, описанные в учебниках прошлого века? Зачем осудили Людмилу Дербину?..

Очевидно, что нужна еще одна компетентная судмедэкспертиза. И следствие по делу, давно списанному в архив, рано считать законченным.

Андрей Романов

Газета «Труд» 23 октября 2001 г.

УБИЙСТВО

Все больше разного рода сенсационных версий появляется в последнее время по поводу кончины выдающегося русского поэта Николая Рубцова. Имеют ли они под собой почву? Корреспонденту «Труда» впервые были предоставлены материалы «закрытого» уголовного дела, хранящегося в государственном архиве Вологодской области (общедоступными они станут только в 2046 году). Эти документы подтверждают однозначную картину трагедии, разыгравшейся 30 лет назад в квартире 66 дома 3 по улице Яшина, где жил поэт.

Несколько дней я ходил под гнетущим впечатлением от фотографий мертвого Рубцова, увиденных в уголовном деле по обвинению в его убийстве Людмилы Грановской. Их сделали при осмотре места трагедии с 5 до 8 утра 19 января 1971 года. Множество ссадин-царапин на горле, на передней и боковых поверхностях, на носу, щеке... Еще до приезда «скорой» к подъезду рубцовского дома Людмила Грановская пришла в отделение милиции – это через один квартал – и сказала дежурному, что она, кажется, убила человека. На первом допросе, проведенном в тот же самый день, а был праздник – Крещение Господне, она призналась, что схватила Рубцова за горло и «стала давить его. Мне было безразлично, что будет дальше. Я сильно давила Рубцова, пока он не посинел, и после этого отпустила его. Подняла тряпки с пола, вымыла руки и пошла в милицию...». Свой поступок Людмила Александровна объяснила намерением Рубцова убить ее, грубым отношением к ней, унижениями и оскорблениями, когда он бывал в нетрезвом состоянии. Накануне, то есть 18 января, Рубцов пьянствовал целый день до глубокого вечера, что подтверждали и свидетели. Потом, когда гости ушли из квартиры, между Николаем и Людмилой возникла внезапная острая ссора, далеко не первая в истории их сравнительно коротких любовных отношений. Увы, завершилась она трагически.

Судебно-медицинская экспертиза сделала заключение: «Смерть гражданина Рубцова насильственная, последовавшая в результате механической асфиксии от сдавливания органов шеи руками». Было отмечено также, что он находился в средней степени алкогольного опьянения. В свою очередь, провели обследование и подследственной, установили у нее рану и кровоподтек на губе, царапины на руке и ноге, все это было отнесено к легким телесным повреждениям. На допросе 29 января, уже в качестве обвиняемой по статье 103 Уголовного кодекса, Грановская засвидетельствовала: «В предъявленном мне обвинении по поводу убийства Рубцова я могу пояснить следующее: виноватой я себя признаю в совершенном убийстве Рубцова... Горло у Рубцова было каким-то сухим. Я давила Рубцова, то ослабляя силу нажима, то усиливая его...» К прежним мотивам поступка она на следующем допросе добавила и новый – «ненависть, копившаяся длительный период времени, вылилась наружу». На суде Грановская отрицала умышленное убийство и то, что якобы с помощью поэта стремилась сделать карьеру. «Я сблизилась с ним на почве поэзии, – говорила она в заключительном слове. – Он был талантливый поэт, имел надо мной власть, и я ему все прощала. Эта его власть основывалась на чувстве страха потерять меня. Я отрицаю, что я его умышленно убила, но убила его я, он умер от моей руки...» Суд определил меру наказания – 8 лет лишения свободы, кассационные жалобы были отклонены, Грановская отбыла в женской колонии срок, но не весь, ее освободили досрочно – на 2 с половиной года. Нынче, 30 лет спустя после этих событий, судмедэксперты из Санкт-Петербурга сделали сенсационное заключение – поэта Рубцова, дескать, никто не убивал. Петербургский поэт Андрей Романов опубликовал по этому поводу в центральном издании солидную (по размерам) статью. Вряд ли с ней можно согласиться. У более серьезных исследователей жизни и творчества поэта не существует на сей счет каких-либо сомнений. Они возникли, похоже, в начале 2001 года, после того как на основании отношения исполнительного директора ассоциации писателей-инвалидов Санкт-Петербурга А. В. Романова профессор кафедры судебной медицины Юрий Молин и заведующий отделом областного бюро судебно-медицинской экспертизы Александр Горшков провели исследование копии приговора Вологодского городского суда от 7 апреля 1971 года. Попутно замечу, что запрос на получение копии документа в госархив Вологодской области от этих судмедэкспертов не поступал. Вероятно, исследование проводилось, что называется, частным порядком. В заключение они сделали вывод, что смерть поэта наступила от развития «острой сердечной недостаточности», вызванной хроническим алкоголизмом с поражением сердца (алкогольной кардиомиопатией). Правда, пока что они не настаивают категорично на этой версии, предлагая повторную экспертизу материалов уголовного дела и поставив

под сомнение научную обоснованность прежней судебно-медицинской экспертизы. Что ж, любая версия, в том числе и эта, имеет право на существование. Но ведь она не доказана!

Между тем в местных и центральных изданиях кое-кто уже принялся выдавать черное за белое, напрочь отрицая существующие документы тридцатилетней давности, навязывая читателю тезис, что Рубцова никто не убивал. И даже Людмила Александровна Дербина (Грановская) в своих интересных воспоминаниях о поэте, изданных недавно в Вельске, уже убеждает читателя, что «не сдавливала шею Рубцова руками», что только щипала двумя пальцами... А как же быть с ее признаниями, фигурирующими в уголовном деле?

Поэтическое наследие Николая Рубцова продолжает покорять миллионы читателей, им хочется знать как можно больше о любимом лирике. И вот на этой читательской любви частенько спекулируют недобросовестные исследователи. Не так давно в солидном издании в статье о Рубцове сообщили новую «сенсацию»: «В 1943 году на Великой Отечественной погиб его отец». На самом деле не погибал он там и фактически не был на фронте, а после призыва вскоре вернулся в Вологду, где умер своей смертью в 1962 году. Или появляются утверждения, будто поэт жил «в ветхой крестьянской избушке» на окраине Вологды, чего никогда не было.

Конечно, придумывать всякие легенды и «сенсации» вокруг полупоэтического имени Рубцова можно без конца. Но все-таки существуют и пределы, безнравственно тиражировать бездоказательные домыслы.

Геннадий Сазонов

ГОЛГОФА НА ДВОИХ

<http://rubtsov.id.ru/derbina/serebrov.htm>

Роковые судьбы поэтов повторяются с какой-то дьявольской закономерностью: Батюшков, Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Мандельштам, Гумилев, Цветаева, Кедрин, Тальков. Не обошла стороной коса смерти и вологодских поэтов – Ключева, Ганина, Башлачева, Шадринова.

Особое место среди них занимают трагическая судьба и жизнь Николая Рубцова, в которой, по существу, было мало светлых дней, кроме тех, когда он оставался один на один со своей музой – единственной представительницей женского пола, которая прославила и обессмертила его. Женщины же реального мира, с которыми он был близок, не смогли повлиять на поэта благоприятно, не скрасили его быт, не стали помощницами, не вдохновляли его. Одна из них разорвала линию жизни,

которая могла бы продлиться, по расчетам одного социолога (и, видимо, астролога), почти до 80 лет.

«Женщина в черном», персонаж драматической пьесы Ю. Леднева, — это она, Людмила Дербина, красивая, подающая надежды поэтесса, которую Рубцов любил несмотря на то что предвидел роковые последствия этой любви. Даже в тот момент, когда возлюбленная схватила его за горло, поэт закричал: «Люда, я тебя люблю!»

В 1995 году в Германии вышел в свет сборник поэзии и прозы русской провинции. В нем были опубликованы стихи Л. Дербиной и ее автобиография, в которой она пишет, что катастрофа произошла ранним утром 19 января 1971 года. Рубцов погиб, а она неожиданно для самой себя стала преступницей. Далее она приоткрывает завесу событий и сообщает, что то, что случилось с ней и Н. Рубцовым, является для нее самой тайной судьбы, которую она не может разгадать до сих пор.

В. Астафьев в газете «Труд» за 27 января 2000 года обнародовал свое мнение по поводу гибели Рубцова, недвусмысленно обвиняя Дербину в убийстве поэта. Реакция последовала незамедлительно. 5 февраля в газете «День литературы» Дербина дает пояснение случившемуся в новой интерпретации. Она сообщает, что до последних лет для нее было загадкой, почему умер Рубцов. Но наконец она поняла, что он умер от инфаркта. У него было больное сердце. Во время потасовки ему стало плохо, он испугался, что может умереть, поэтому и закричал. Сильное алкогольное опьянение, страх смерти и еще этот резкий, с большой физической перегрузкой рывок, — все это привело к тому, что его больное сердце не выдержало. Никакой он не удавленник, и признаков таких нет. А она тогда якобы с перепугу решила, что задушила его, пошла в милицию и всю вину взяла на себя.

Вот, оказывается, как все было на самом деле?

16 февраля 2001 года в газете «Холмогорская жизнь» Дербина несколько уточняет свои предположения о смерти поэта: «Теперь я знаю, что, уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся».

Значит, все-таки задохнулся, а не умер от инфаркта.

19 января 2001 года «Комсомольская правда» выдает сенсационную информацию. Спустя тридцать лет после трагической гибели выдающегося русского поэта проведено новое исследование. Результат ошеломляющий: петербургские медики подтверждают — поэт Рубцова никто не убивал.

8 сентября 2001 года газета «Новодвинский рабочий» помещает корреспонденцию «Исповедь», в которой сообщает о встрече Л. Дербиной с читателями. Журналист делает вывод: Дербина реабилитирована. И далее: но теперь люди стали понимать ее драму, а через эту драму им дороже стали и ее стихи, и ее сборник «Крушина».

В январе 2002 года (газета «Русский Север», № 3) в публицистический поединок с Л. Дербиной вступает вологодский писатель А. Цыганов. Дербина не остается в долгу и дает ответ писателю, называя его клеветником и безумцем.

В середине января 2002 года в газете «Русский Север» появляется публикация «Зазеркалье Рубцова», в которой говорится, что на фотографии, запечатлевшей друзей Рубцова при открытии ему памятника в ноябре 1973 года, проявился неясный профиль Рубцова. Экстрасенс Юрий сразу увидел на фото образ поэта и заявил, что душа его не упокоена, мечется в поисках выхода. Он не обрел себе покоя. Рубцову нужна помощь. Что же хотел сказать поэт? Может, чтобы мы, люди, не оскверняли его имя пустословием, а то и злословием? Так заканчивается статья.

Итак, мистическая сторона жизни и смерти Н. Рубцова продолжает проявляться и дальше.

Душа Рубцова, его дух просят помочь. В чем же? Видимо, в установлении истины, которая неизменна и не зависит от всевозможных измышлений, предположений, не меняется во временном пространстве.

Для установления этой истины повернем колесо времени на тридцать лет назад, к 70-м годам, к очевидцам, материалам и обстоятельствам дела.

Непосредственными участниками того шумевшего уголовного процесса были вологодский поэт В. Коротаев и Н. Старичкова, близкая подруга Рубцова, а также сама Л. Дербина, которая подробно описала все происходившее с ней в воспоминаниях о Рубцове, опубликованных в журналах «Дядя Ваня», «Слово» и отдельной книжкой. В Государственном архиве Вологодской области имеется уголовное дело по обвинению Л. Дербиной (Грановской) в убийстве Н. М. Рубцова.

Собственно говоря, многие обстоятельства дела изложены самой Дербиной в стихотворной форме в сборнике «Крушина», изданном в Вельске в 1994 году.

Предваряя анализ этих оригинальных стихотворений, хочется отметить: автор предисловия к данному сборнику – доктор филологических наук А. Михайлов – пишет, что «в осмыслении своей трагедии Людмила Дербина идет путем полного признания вины и полной расплаты». Однако в самом первом стихотворении – «Жизнь сожжена и рассказана...» – Л. Дербина заявляет, что хочет написать песнь о своей жизни. Иными словами, то, что произошло, включая трагедию, связанную со смертью Н. Рубцова, автор считает возможным воспеть. И... воспевает.

Вначале осторожно: «что та любовь – смертельный поединок, / не знала я до роковых минут». Затем смелее: «Я знала – ты любишь меня / и силой возьмешь мою душу, / что это и есть западня, / и то, что ее

я разрушу». Выходит, знала! И не только знала, но и вышла победителем. «Лишь где-то в крещенские дни / запели прощальные хоры, / и я у своей западни / смела все замки и затворы». Эти внешне поэтические строки почти документально передают обстоятельства страшных событий, так же, как и следующие: «Убийственно в яростном стрессе / слепое движение рук».

Идем дальше: «Невозможно, чтобы ты одолел, / покорил меня всю безраздельно, / самодержцем в глаза мне смотрел, / испугалась – ужели смертельно!» А он, влюбленный в нее: «не заметил ты грозной тоски, / дерзновенного бунта начало».

Силу своей любви Л. Дербина характеризует следующим образом: «Моей любви, как пропасти, страшились, / на дне которой – бурная река. / Поклонники в ней сгинуть не решились / и предпочли любить издалека. / Но был безумец... Мною увлеченный, / он видел бездну, знал, что погублю, /и все ж шагнул светло и обреченно / с последним словом: «Я тебя люблю!» Все так и было: поэт шагнул навстречу смерти со словами любви, что подтвердили в суде свидетели. Он никак не ожидал, что именно женщина, которую он полюбил, сможет сжать его горло и держать пальцы до тех пор, пока лицо не посинеет. Она сама в суде пояснила, что у Рубцова от ужаса волосы встали дыбом. Это вполне могло быть.

«И я, обессилев от муки / с ним быть не самою собой, / в свирепом отчаянии руки /однажды вздыму над судьбой. /Рванусь, чтоб разбить и разбиться, / упасть и опять на дыбы! / И вдруг, как пугливая птица, / – улыбка на Лике судьбы...» Последняя строчка – торжество победы, предсказанной заранее. Эта победа воспевается в следующем стихотворении еще более зримо: «Подступает ко мне, наступает / мой последний решающий бой! / Неизбежен стремительный, страстный /и внезапный, как будто ожог, / сумасшедший, предельно опасный, / мой могучий, победный прыжок!»

Описывает в своих стихах поэтесса и сам суд. В представлении подсудимой, судья – маленький злобный гномик – тщился что-то понять, задавал внезапные вопросы, усматривая в ответах криминал. Он, упиваясь своей властью, злорадно прочел приговор: «В тюрьму? О, как скучно и длинно / гудит этот весь балаган! / В тюрьму? Ну а если невинна, / как в гневе своем ураган?!»

И вот уже Дербина чувствует «в своем конце свое начало» и в желании прославиться в качестве поэтессы становится цинично откровенной и смелой: «В глуши свои слагая строфы, / потомством буду прощена», – изрекает новоявленная пророчица. «А современников гоненье, / весь их спесивый непривет / за будущее поклоненье переживу. Ужели нет? /Пусть я не Данте Алигьери, / и будет мне поменьше честь, /однако и в моем примере / загадка рока тоже есть».

И, наконец, к финалу книги Л. Дербина поднимает забрало и открытым текстом говорит: «Зовут пантерой и медведицей, / ужасною волчицей злой, / додумались и до нелепицы — / назвали дамой козырной. / Так знайте! Чем пренебрежительней / вы ответесь обо мне, / тем стану я обворожительней, / очаровательной вдвойне! / Какие бы характеристики / вы ни давали мне, глумясь, / все зеленей легенды листики, / все удивительнее вязь / судьбы из тайного и явного, / где тень и свет переплелись, / загадка монстра своенравного / и роль изгоя удались. / Когда же вы с недоумением / прочтете том моих стихов, / меня вы назовете... гением. / Ах, что за гений без грехов?!»

Занавес закрывается. Последний акт исполняется Дербиной на авансцене в страстном монологе, с церемонными поклонами и трагикомическими жестами: «Последний акт, он не разыгран. / Кто шут из нас, а кто герой, / избранник кто, а кто не избран, / еще не ясно, милый мой... / Но я скажу, подняв забрало: / «Ах, я не шут и не герой! / Ведь я жила, а не играла. / Ведь я была самой собой!»

Хорошие стихи, не правда ли?! Почти шекспировские. И недвусмысленно говорят о том, что Дербина не играла — она сама написала трагедию, сама же срежиссировала ее и сама воплотила в жизнь.

В своих воспоминаниях о Рубцове Н. Старичкова пишет, что Грановская (Дербина) зашла в зал судебного заседания самоуверенная, спокойная, даже с усмешкой на губах. При допросе ее судом заявила: «Я — поэтесса Дербина! Он принижал меня как поэтессу. Я поняла, что мы не будем вместе, и решила его уничтожить». Вот она — причина «гнева», вот она — истинная картина происшествия, вот они — мотивы преступления.

Н. Коняев в повести «Ангел родины» пишет о том, что Дербина в телефонном разговоре с ним так оценила поэтический дар Рубцова: «По сравнению со мной Рубцов был в поэзии мальчишкой». Сам же Рубцов, по свидетельству В. Коротаева, на поэтические опыты Дербиной смотрел снисходительно. Так вот где собака зарыта! Видимо, все-таки не зря некоторые авторы вспоминают Моцарта и Сальери.

Из всех материалов дела, из показаний самой Дербиной, наконец, даже из ее стихов вытекает очевидное: она желала смерти Рубцова, предпринимала определенные действия для наступления этого результата и не приняла никаких мер для оказания помощи, когда увидела, что Рубцов находится в опасном для жизни состоянии.

Объективности и справедливости ради, если исходить из показаний Дербиной об обстоятельствах происшествия, она вынуждена была защищаться от намерений и действий «противника». При этом нельзя не учитывать того, что по физическим данным Дербина значительно превосходила Рубцова. Однако все это — уже вопросы квалификации, область юриспруденции. Юристы вышестоящей инстанции подтвердили

приговор, не найдя в нем никаких недоразумений или ошибок. Здесь важно одно – смерть поэта наступила в результате действий именно Дербиной, чего она и сама не скрывает. Это – факт. Это – истина объективная и неоспоримая.

Откуда же вдруг появилось утверждение, что Николай Рубцов мог умереть по другим, «бытовым» причинам? Ведь дело не рассматривалось надзорной инстанцией, повторная экспертиза не проводилась, никаких вновь открывшихся обстоятельств не возникло и не установлено.

Почти через тридцать лет после смерти Николая Рубцова судебно-медицинские эксперты высшей категории Ю. А. Молин и А. Н. Горшков из Санкт-Петербурга усомнились в том, что смерть наступила от механической асфиксии, ссылаясь на учебники судебной медицины, предполагая, что смерть могла наступить в результате острой сердечной недостаточности. До этого, после публикаций воспоминаний Дербиной, высказывались предположения о том, что поэт мог умереть от инфаркта или инсульта.

Конечно, заключение специалистов, хотя и не официальное и не основанное на подлинном акте вскрытия, имеет большую внушающую силу. Ю. А. Молин – доктор медицинских наук, профессор кафедры судебной медицины, заслуженный врач России, действительный член Международной академии интегративной антропологии. А. Н. Горшков – зав. медико-криминалистическим отделом областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Однако нельзя забывать, что мнения эти – всего лишь предположения, и за них эти специалисты по закону не несут никакой ответственности. Еще более бездоказательны предположения граждан об инфаркте миокарда и инсульте головного мозга, о чем сами специалисты, кстати, и не упоминали. Но тут уж СМИ подлили масла в огонь, и давняя трагедия стала приобретать другую окраску, а окрыленная поэтесса начала активно создавать «правильное общественное мнение».

Поскольку гг. Молин и Горшков ссылались на учебники судебной медицины, мы также прибегнем к их помощи. Авторы учебников указывают следующие признаки механической асфиксии, развившейся в результате удушения руками: множественные повреждения от действия рук и ногтей в виде полулунных и продолговатых ссадин, кровоподтеки на шее, синюшность кожных покровов, особенно лица. При внутреннем исследовании обнаруживаются полнокровие органов, точечные кровоизлияния под наружными оболочками легких и сердца, наличие жидкой крови, вздутие легких. В одном из учебников также сказано, что при удушении возможна смерть от рефлекторной остановки сердца, особенно у лиц с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. Почти все указанные признаки содержатся в акте судебно-медицинского исследования трупа Н. М. Рубцова. Комментарии, как говорится, излишни.

Что же касается инфаркта миокарда и инсульта, то это вообще острые заболевания, вызванные различными причинами, никакого отношения не имеющими к данному происшествию.

Предположения, какими бы заманчивыми и правдоподобными ни были, остаются предположениями. Факты остаются фактами. А факты говорят о том, что смерть Николая Рубцова наступила от непосредственных, умышленных, осознанных действий Л. Дербиной. Они могут быть по-разному оценены юристами (а не медиками), однако состоявшийся приговор суда никто не отменял, и выводы, изложенные в нем, следует считать верными, объективными, документально установленными.

Даже если квалифицировать действия Л. Дербиной как убийство при превышении пределов необходимой обороны либо в состоянии аффекта, они все равно будут считаться преступлением, хотя наказание может быть назначено другое, менее строгое.

Заключительный аккорд «Крушины» сопровождается словами:

«Прошедшие без катастрофы,
Мой час возвыситься настал.
Не сомневайтесь, крест Голгофы –
Весьма надежный пьедестал!»

Что же тут сказать? Мы знаем стихи Рубцова, знакомы со стихами Дербиной. Кто из них гений, история уже показала. Оба они претендовали на это почетное звание, и оба поднялись на Голгофу, правда, один – в качестве мученика и героя, другой – преступника. С позиции общечеловеческой, христианской и космической морали действия Л. Дербиной в ту январскую ночь никак не могут быть признаны праведными и милосердными, даже если в последующем она раскаялась и получила церковное отпущение грехов.

Жизнь истинных поэтов, художников, композиторов зачастую таинственна, а смерть иногда загадочна и необъяснима. Что же касается Николая Рубцова, в жизни он был честным, скромным, порядочным и легкоранимым человеком, как сказала мне о нем при встрече вологодская поэтесса Н. Груздева, хорошо знавшая поэта. Смерть свою он принял «светло и обреченно», как написала сама Л. Дербина. Тайны его гибели практически не существует.

Замечательный русский вологодский поэт в своих стихах запомнился нам живым, душевным, добрым, сострадательным, любящим свою Родину – Русь, лиричным и светлым, и никакие «темные силы» не смогли замутить этот образ.

Владимир Серебров

РУБЦОВ НЕ БЫЛ УБИТ

<http://rubtsov.id.ru/derbina/esipov.htm>

Никто не знает, сколько раз
Рождалась я и умирала,
И сколько раз в свой смертный час
Я начинала жить сначала.

Людмила ДЕРБИНА.

Из сборника «Крушина», 1994 г.

Мир полон нераскрытых тайн. Почему Рубцов написал: «Я умру в крещенские морозы»? И почему он умер в тот день, какой загадал, предрек своим неосторожным, полушутливым словом?

О том, что слово было действительно полушутливым, что сам Рубцов смеялся («хе-хе»), читая эти свои строки, мы узнаем из книги Людмилы Дербиной, только что вышедшей в городе Вельске.* Узнаем и многое другое, донныне неизвестное и обросшее огромными пластами легенд и мифов (на быденном языке – слухов и сплетен). И главный миф – о причинах гибели поэта – наконец-то начинает развеиваться.

Я говорю «начинает», потому что прекрасно понимаю, что невозможно в один миг изменить устоявшиеся мнения.

Невозможно сразу коллективно прозреть в той мысли, что «Поэта Рубцова никто не убивал» (заголовок статьи в «Комсомольской правде» от 17 июня с. г.). А главное, невозможно до судебного пересмотра дела с полным правом утверждать, что Рубцов умер по другой причине. Скорее всего, наверное, может быть, предположительно – только в таких оборотах об этом пока можно говорить.

И тем не менее документ, впервые опубликованный в полном виде в книге Л. Дербиной, – он датирован 16 января 2001 г. (ровно тридцать лет спустя после трагедии!), – без преувеличения можно назвать историческим, перевернувшим судьбу этой женщины – и в наших глазах, и в глазах ее самой. Документ этот – заключение специалистов, государственных судебно-медицинских экспертов высшей категории из Санкт-Петербурга Ю. А. Молина и А. Н. Горшкова. Оба они являются авторитетнейшими профессионалами (первый – доктор медицинских наук, профессор, член Международной академии, второй заведует отделом Санкт-Петербургского областного бюро судмедэкспертизы). Служба у них не слишком приятная: они имеют дело со смертями, трупами, протоколами, анализами выделений, выражаются специфическими терминами, но и нам эти термины не обойти, если мы хотим понять суть трагедии. Приведу заключение экспертов с небольшими сокращениями:

«На основании анализа доступных данных об обстоятельствах смерти Н. М. Рубцова, последовавшей 19 января 1971 года, анализа состояния его здоровья, приходим к следующему заключению:

1. В приговоре суда приводятся ссылки на «Акт судебно-медицинской экспертизы», из которого следует, что «смерть Н. М. Рубцова наступила от механической асфиксии от сдавления органов шеи руками».

Указанное суждение вызывает ряд принципиальных возражений:

– о развитии механической асфиксии говорит ряд классических симптомов, доступных постороннему наблюдению, в том числе непрофессиональному: судороги, одышка, выделение мочи, кала. Отсутствие этих симптомов подтверждается не только свидетельством Л. А. Грановской (Дербиной), но и объективными данными (наличие в трупе мочи, направленной экспертом для судебно-химического исследования);

– для финального этапа механической асфиксии типичны утрата сознания и полная мышечная атония (расслабление). У Н. М. Рубцова отсутствовали и эти симптомы: он кричал за несколько секунд до наступления смерти осмысленные фразы, что подтверждается показаниями незаинтересованных свидетелей (имеются в виду крики: «Люда, я тебя люблю!», которые слышали соседи – В. Е.), а затем перевернулся на живот, что подтверждается протоколом осмотра места происшествия и соответствующей фотографией;

– типичными для удушения руками повреждениями являются переломы подъязычной кости и хрящей гортани, кровоподтеки и ссадины, свидетельствующие о достаточно длительном (не менее нескольких десятков секунд) локальном давлении пальцев рук нападавшего. В обсуждаемом случае говорится лишь о царапинах, характерных для касательного, скользящего воздействия ногтей на кожу...

2. Изложенные в п. 1 данные дают основание специалистам усомниться в наличии у погибшего Н. М. Рубцова механической асфиксии. Специалисты считают необходимым указать, что вышеуказанные признаки механической асфиксии и удушения руками являются классическими, имеющимися во всех учебниках судебной медицины со второй половины XIX века, поэтому судмедэксперт, проводивший экспертизу трупа Н. М. Рубцова, обязан был знать о них.

3. Анализ данных позволяет констатировать, что

– Н. М. Рубцов длительное время (многие годы) злоупотреблял спиртными напитками;

– указанное злоупотребление к концу 60-х – началу 70-х годов сформировало у Н. М. Рубцова заболевание – хронический алкоголизм с поражением сердца (алкогольной кардиомиопатией). Последнее доказывается наличием у него жалоб на неприятные ощущения и боли в сердце, обращением по поводу них за медицинской помощью.

– Сочетание в последние часы жизни у Н. М. Рубцова ряда объективных факторов: выраженного алкогольного опьянения, психо-эмоционального стресса, связанного с обоюдным причинением телесных повреждений и борьбой... сочетание указанных «факторов риска» могло способствовать декомпенсации сердечной деятельности.

4. Одновременно специалисты обязаны указать, что категоричное суждение о причине смерти Н. М. Рубцова может быть высказано лишь по результатам повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы...»

Во избежание кривотолков надо заметить, что эксгумация в данном случае не требуется: достаточно имеющихся объективных данных.

Даже простым людям, а не только профессионалам юриспруденции, должно быть теперь очевидно, что в уголовном деле, по которому Л. А. Дербина была осуждена по статье 103 УК РСФСР на восемь лет лишения свободы, допущены непомерно большие натяжки. Напомню, что она была осуждена за умышленное убийство. Причем умысел был найден судьей в том, что одно из стихотворений Дербиной (написанное, кстати, до знакомства с Рубцовым и посвященное другому человеку) содержало такие строки: «Я перепутаю все карты твоей блистательной судьбы...» На суде Дербина заявляла, что ей «чрезвычайно странен сам принцип следователя и судьи приобщать к уголовному делу лирические стихи». Но стихи – совсем в духе сталинщины – были все-таки приобщены. А в основание дела – точно по Вышинскому – было положено первое собственное признание Дербиной, с которым она утром после кошмарной крещенской ночи пришла в милицию: «Я, кажется, убила человека...»

Это «кажется» не вызвало сомнений ни у кого, в том числе у судмедэксперта, который неожиданно забыл, чему его учили в институте, не выполнил служебных инструкций. На дворе был 1971 год. Провинциальная советская Фемида вкупе со знатоками человеческой души из Вологодской писательской организации распинала 33-летнюю молодую женщину. Адвокат Л. П. Федорова билась хотя бы за то, чтобы применить к ней 104-ю статью УК – убийство в состоянии сильного душевного волнения, аффекта. На большее при такой экспертизе (механическая асфиксия – и basta!) рассчитывать было невозможно. И сама Дербина – откуда ей было знать тонкости патологоанатомии? – не могла тогда полностью отрицать свою вину.

О том, как пришло и нарастало сомнение, можно теперь узнать в ее книге. Конечно, оно не могло прийти ни в тюрьме, ни в психбольнице в Кувшинове, куда ее помещали до суда (это самые жуткие страницы книги, напоминающие о средневековой инквизиции). Не могло прийти оно и после тюрьмы, когда надо было лечиться от туберкулеза и растить, доразвивать дочь, оставшуюся у родных в Вельске. Почти двадцать лет

о Людмиле Дербиной ничего не было слышно. Никто не знал, что она обратилась к Богу, три года несла епитимью, встретилась со многими удивительными людьми. В ее жизни произошло чудесное, мистическое просветление – сама она видит в этом Божий промысел. Не смея оспаривать эту ее убежденность, могу только заметить, что возвращение Л. А. Дербиной к жизни совпало с переменами в обществе. В прежней, несвободной стране ей вряд ли удалось бы издать фрагменты своих воспоминаний и книгу стихов. Правда, наступившую свободу слова полной мерой использовали и ее давние недоброжелатели – «Козырная дама» и прочие низкопробные опусы появились именно в этот период. Но читатели теперь сами могли разобраться, где искренность, а где – клевета.

Число сочувствующих ее судьбе нарастало – и в Петербурге, где она живет, и в Вельске, и в Вологде. А первый толчок к тому, чтобы посмотреть на крещенскую трагедию 1971 года другими глазами, дал врач из Свердловской области Я. Сусликов, прочитавший фрагмент ее воспоминаний в журнале «Слово». Именно он, знающий судебную медицину, первым высказал в том же журнале свой профессиональный взгляд: Рубцов умер не от рук Дербиной, а скоропостижно. Дальнейший ход событий, приведший в конце концов к встрече с Ю. Молиным, к авторитетной экспертизе, подробно описан в книге.

Я давно знаком с Людмилой Александровной Дербиной. Помню громы и молнии, клеветы и сплетни, обрушившиеся на мою персону за сочувственное слово о ней. Знатоки человеческих душ твердили про оскорбление памяти Рубцова. Они, присвоившие себе монополию на любовь к поэту, нещадно и беззастенчиво эксплуатировали ее. Благостный образ Рубцова, созданный в их воспоминаниях, был им выгоден, поскольку оттенял образ «злодейки-убийцы». То, каким представлен поэт в воспоминаниях Л. А. Дербиной, во многом расходится с общепринятым представлением. Это правдивый и горький рассказ о трудной любви, закончившейся трагической развязкой...

Правомерный вопрос: а как же все-таки с пересмотром уголовного дела Л. А. Дербиной? Ее осуждение со всеми грубыми и явными натяжками – не самая лучшая страница вологодского правосудия. Теперь есть классический повод: вновь открывшиеся обстоятельства. И надо ли ждать инициативы потерпевшей стороны, чтобы сделать окончательную комплексную экспертизу причин смерти Рубцова? Не лучше ли, не справедливее ли будет взять инициативу на себя областной прокуратуре, чтобы поскорее поставить все точки над «i» и закрыть эту печальную страницу нашей жизни?

Валерий Есинов

«НАДЕЖДУ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» НИКОЛАЯ РУБЦОВА УБИЛИ ИЛИ ОН УМЕР САМ?

<http://pravo.ru/process/view/34601/>

19 января 1971 года оборвалась жизнь 35-летнего поэта, которого писатель Федор Абрамов назвал «блистательной надеждой русской поэзии». В одном из стихотворений он предсказал дату своей смерти: «Я умру в крещенские морозы...» (в православии Крещение Господне отмечается 19 января.— *Ред.*). По обвинению в умышленном убийстве Николая Рубцова Вологодский горсуд приговорил к 8-летнему лишению свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима Людмилу Грановскую, с которой Николай Рубцов в феврале намеревался оформить брак... Но большинству читателей поэта она больше известна как Людмила Дербина. Под этим именем много лет спустя после смерти Николая Рубцова она написала воспоминания «Как это было»...

«Я, кажется, убила человека» «Прошло 27 лет с того рокового крещенского утра, когда Николай Рубцов остался неподвижно лежать на полу своей комнаты, а я, еле живая, насмерть перепуганная, бросилась в милицию. Там долго колотилась в дверь. Вышел заспанный милиционер.

- Я, кажется, убила человека.
- Какого человека?
- Николая Рубцова.
- Как ты его убила?
- Задушила...

Этим словом я подписала себе приговор. Все закрутилось, исходя из этого моего «задушила». В тот момент я действительно была уверена в том, что задушила Рубцова...» Суд по уголовному делу Людмилы Грановской был закрытым. Почему? В 1971 году автор этих строк жил в Мурманской области и работал в газете, которая в свое время публиковала первые стихи начинающего поэта Николая Рубцова – матроса Северного флота. Несколько сотрудников редакции еще помнили его молодым, только начинавшим разбег для головокружительного поэтического взлета. В журналистской и писательской среде Мурманской области оказалось немало и тех, кто знал Рубцова по учебе в Литературном институте им. Горького. Первое известие о том, что Рубцова не стало, пришло в Мурманское отделение Союза писателей СССР от вологодских коллег: «Колю Рубцова во время ссоры задушила сожительница». Многие испытали настоящий шок – несмотря на ревнивое отношение творческих людей к успехам друг друга, Рубцов уже при жизни многими почитался одним из небожителей современной русской лирической поэзии. Едва ли не вся пишущая братия Мурманска

горестно поминала Рубцова, теряясь в догадках о том, что же привело к этой страшной жизненной драме? Ответы на эти вопросы должен был дать суд. Однако всех, кто хотел узнать подробности из газет или побывать на процессе лично, ждало разочарование: судебное заседание, на котором в начале апреля 1971 года рассматривалось уголовное дело в отношении Людмилы Грановской, обвиняемой в умышленном убийстве Николая Рубцова, проходило в закрытом режиме. Это лишь умножило число слухов вокруг обстоятельств смерти поэта. На свет появлялись все новые и новые версии случившегося, которые обсуждались в тесных дружеских кружках... К Рубцову тянулись длинные руки «компетентных органов»?

Было бы удивительно, если бы подспудно не появилась, например, версия о том, что в смерти Рубцова замешан КГБ. Ведь характеризовал же Николая Рубцова писатель Виктор Астафьев как поэта, «посланного прославлять землю свою, природу русскую и людей ее забытых и загнанных временем в темный угол...». В те же дни, как черт из табакерки, выскочил нелепый, тем не менее, обсуждавшийся слушок, что руками Грановской совершено «ритуальное» убийство наследника русского поэта Сергея Есенина.

Позже имела хождение «по дворам» и такая версия: Николай Рубцов был задушен в момент сексуальной близости со своей «садомазохистской партнершей». Между тем, на закрытом процессе все же присутствовал один газетчик. Кто он, и как прошел все «кордоны»? Кого увидел на скамье подсудимых единственный журналист, попавший на судебное заседание. Виктор Вениаминович Коротаяев, известный вологодский поэт и старший брат Рубцова по лирическому цеху (ныне покойный), работал тогда в газете «Вологодский комсомолец». На судебное заседание он был допущен по командировочному предписанию, предусмотрительно выписанному в редакции. В 1994 году в свет вышли «Воспоминания о Николае Рубцове», составителем которых стал Виктор Вениаминович. В сборнике есть и его строки, которые он не мог опубликовать в «молодежке» в 1971-м: «Подсудимая сидит за барьером, под охраной серьезного пожилого милиционера. Молодая еще, пышно-волосая, глаза по луковице, грудастая, бедрастая, а голос мягок, чист и глубок. Как у ангела. И все-таки этот ангел совершил дьявольское дело – сгубил редчайший русский талант, лишил всех нас светлого друга, осиротил близких и родных. Да и всю нашу землю – тоже. И если мы не произносили пока вслух имя этого ангела-дьявола, то лишь из жалости к его родителям, дочери, из простого чувства сострадания, а может быть, и излишней деликатности...» Дербина (Грановская) воспоминаниями о Рубцове решила напомнить о себе. Сама Дербина (Грановская) отношение к себе со стороны поклонников Рубцова никогда не считала «деликатным». В 1998 году она обратилась в Вологодский областной

суд: «Несправедливое решение суда послужило хорошей платформой для разного рода клеветников, которые договорились до того, что я агент КГБ и была подослана к Рубцову. Травля обострилась, когда в 1993 году были опубликованы мои воспоминания о Николае Рубцове, а в 1994 году был издан сборник стихов «Крушина», имеющий среди читателей несомненный успех. Я полностью отрицаю вину в умышленном убийстве Рубцова»... Верховный Суд РФ затребовал дело из областного суда и после его изучения пришел к выводу, что оснований для опротестования приговора 1971 года нет (Грановская была осуждена по статье 103 УК РСФСР – умышленное убийство без отягчающих обстоятельств). Кассационная жалоба адвоката Грановской о переквалификации действий подзащитной на статью 104 УК РСФСР (умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего) областным судом была оставлена без удовлетворения. Питерские судмедэксперты – против своих вологодских коллег. Однако, несмотря на решения трех судебных инстанций, Дербина продолжила воинственно защищать свое «доброе имя», пытаясь найти союзников через печать и телевидение. А в конце 2000 года она обратилась к питерским судмедэкспертам. Их заключение некоторые средства массовой информации (в частности «Комсомольская правда») назвали сенсационными... Не умер Данила, так болячка задавила? Собственно, питерский следственный эксперимент, опровергавший выводы вологодских судмедэкспертов о том, что смерть Н. М. Рубцова наступила от механической асфиксии (сдавливания органов шеи пальцами рук), правовых последствий не имел. Он интересен только тем, что события крещенской ночи 1971 года два авторитетных эксперта моделировали главным образом по рассказам заинтересованной стороны – Л. А. Дерибиной. И к какому выводу пришли независимые эксперты? Рубцов умер от сердечного приступа в результате перенапряжения, связанного с «освобождением от рук нападавшей...» и ее «отталкиванием...». Что же произошло на квартире Николая Рубцова в ночь с 18 на 19 января 1971 года? Грановскую отказались прописать в квартире Рубцова, но «завелся» поэт совсем из-за другого – его невесте за столом оказывали повышенное внимание. В уголовном деле Л. А. Грановской нет свидетелей финала трагедии. Обвинительное заключение строилось на показаниях обвиняемой, полученных следствием, и заключении судмедэкспертизы. Зато события, непосредственно предшествующие трагедии, хорошо известны. 18 января Рубцов и Грановская зашли в паспортный стол: перед предстоящим через месяц бракосочетанием Рубцов решил прописать будущую супругу у себя. Однако Грановской в прописке было отказано – по существующим нормам на нее и ее малолетнюю дочь от предыдущего брака не хватило жилплощади...

Затем Рубцов встретился со знакомыми журналистами, которые пригласили его отметить какое-то событие. Грановская присоединилась к компании позже, но не пила. За столом Рубцов приревновал ее к одному из участников застолья. Его еле успокоили. Застолье продолжилось в квартире поэта. В Рубцове снова разыгралась ревность. Гости предпочли уйти по добру по здорову... Под утро Людмила Грановская, как она пишет в своих воспоминаниях, уже «колотилась в дверь» милицейского участка на улице Советской...

Вообще, воспоминания Дербиной долгие годы были единственным (и поэтому сомнительным с точки зрения объективности) источником информации о том, что же произошло, когда они с Рубцовым остались дома одни. Почему?

Материалы уголовного дела были засекречены, а потом и все пропали из архива. О том, что суд был закрытым, мы уже говорили. Но были засекречены и сами материалы уголовного дела, с которых до сих пор этот гриф не снят (а по некоторым данным, дело вообще таинственным образом исчезло из архива). Именно это обстоятельство, как считают некоторые исследователи биографии Рубцова, позволяли Дербиной навязывать общественности только свою версию трагических событий, не оставляя места другим. Однако в 2005 году материалы уголовного дела вдруг появились в свободном доступе. Известный вологодский предприниматель Михаил Суров опубликовал их в своей 700-страничной книге «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства» (как к нему попало уголовное дело, можно только догадываться).

И сразу обнаружились нестыковки между показаниями Грановской на следствии и более поздними «мемуарами», как она сама их называет. Какие? Чего, по словам Дербиной, испугался Николай Рубцов. Противоречий много. Остановимся на последних минутах жизни Рубцова, как их описала Дербина в своих воспоминаниях: «Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала тереть его горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня...». И далее: «Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот... Я увидела его посиневшее лицо... Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был агонией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, Николай Рубцов задохнулся...» Перед тем, как пойти в милицию, она помыла руки...

Несколько иначе этот эпизод звучит в ее устах на первом допросе: «Я стала успокаивать его, уложила на кровать. Он ударил меня нога-

ми в грудь и вскочил, уронив при этом стол. Оба мы упали на пол. Я разозлилась, схватила его за волосы. Рубцов старался схватить меня за горло, но я укусила его за руку, а затем схватила за горло и стала давить его. Мне было безразлично, что будет дальше. Я сильно давила Рубцова, пока он не посинел, и после этого отпустила его. Подняла тряпки с пола, вымыла руки и пошла в милицию». Одни подробности из показаний исчезали, другие появлялись. Но пальцы на горле оставались... Еще через 10 дней на допросе она снова описывает этот эпизод: «Я схватила Рубцова в охапку и повалила на кровать... Но он босой ногой пнул мне в грудь. Я не упала, а только отшатнулась. Рубцов ... вскочил, опрокинул стол, рванулся к двери из комнаты, но я схватила его в охапку и не пускала из комнаты. Рубцов сопротивлялся. Мы оба упали на пол, но я схватила Рубцова за волосы, каким-то образом оказалась наверху. Рубцов потянул руку к моему горлу. Я схватила руку Рубцова своей рукой и укусила. После этого схватила правой рукой за горло Рубцова двумя пальцами и надавила на горло. Рубцов не хрипел, ничего не говорил – это длилось несколько секунд. Мне показалось, что Рубцов сказал: “Люда, прости. Люда, я люблю тебя. Люда, я тебя люблю”. Это были три фразы, он говорил их, а не кричал. Я взглянула на Рубцова и увидела, что он синее, Я отцепилась от него. Рубцов сразу перевернулся на живот. Еще, кажется, вздохнул, а затем затих...» «Когда вы душили Рубцова, – спрашивает следователь, – то отрывали всю руку от его горла, или нет?» Ответ: «Я один раз отрывала руку, а затем снова схватила за горло. Горло у Рубцова было каким-то дряблым. Я давила Рубцова, то ослабляя силу зажима, то усиливая (так записано в протоколе. – *Ред.*) его». Что было сказано подсудимой на суде о последних минутах Рубцова. Из протокола судебного заседания: «Он лег на кровать, я стояла около. Затем он обеими ногами пнул меня в грудь, глазами стал что-то искать, схватил меня, и мы упали на пол. Он хотел схватить меня за горло, я его руку сильно укусила. Потом взяла пальцами за горло и держала... Когда он перевернулся на живот, то воздух, видимо, не стал проникать. Я не догадалась его перевернуть...»

Через несколько десятилетий в титрах одной телепередачи она будет значиться как «вдова Николая Рубцова»...

Александр Пилипчук

ДЕРБИНА О РУБЦОВЕ

Из книги Людмилы Дербиной «Всё вещало нам грозную драму. Воспоминания о Николае Рубцове». Вельск, 2001 г.

И вот уже почти половину жизни я прожила без Рубцова. Без Рубцова ли?

Как я оплакала Николая, знает одно Небо. Не прошло ни одного дня, чтобы я не вспоминала его, не истязала себя. Вопросы, вопросы к себе и Всевышнему.

Почему? Как он мог так быстро умереть? Что же все-таки произошло, и велика ли степень моей вины? Многие годы я думала, что действительно задушила его. Были мысли, что он задохнулся в пододеяльнике, в который уткнулся лицом. Это я сейчас понимаю, что у Рубцова было большое сердце, а тогда и в голову не приходило, что с ним во время потасовки мог случиться сердечный приступ.

А тогда, в раннее крещенское утро, я, сама насмерть перепуганная случившимся, еле достучалась до заспанного блюстителя порядка и сразу же себя обвинила:

– Я, кажется, убила человека...

Вот и все. Я сама себе вынесла приговор. К моему заявлению (а всего скорей это был крик о помощи, весть о беде) все и было притянуто: и показания судмедэкспертизы, и следствие, и суд. На суде не было этого милиционера. Почему? Ведь он должен был быть первым свидетелем.

Адвокат Л. П. Федорова сказала о Рубцове те слова, которые она множество раз говорила и о других алкоголиках: «...вел себя в обществе и в быту недостойно, систематически пьянствовал, нарушал правила социалистического общежития». Но Лидия Павловна после вынесения приговора мне скажет знаменательные слова: «25 лет работаю в суде, но такого произвола еще не видела». Но именно эти слова были исторгнуты из живого человеческого сердца, оскорбленного несправедливостью.

Неимоверно тяжело приводить выдержки из определения суда, но надо.

Вот, например:

«Рубцов систематически пьянствовал и 18 января 1971 года в течение всего дня пьянствовал в разных местах: в шахматном клубе, в ресторане «Север», а вечером вместе с друзьями пришел в свою квартиру и продолжал пьянствовать. Около 23 часов друзья Рубцова из квартиры ушли и Рубцов с Грановской остались одни.

После ухода знакомых Рубцов вел себя неправильно и приставал к Грановской, между ними возникла ссора, перешедшая в драку. Эти ссоры и скандалы с перерывами продолжались до 4-х часов утра, а в это время очередной скандал перерос вновь в драку, в ходе которой оба они упали на пол». Стоп.

После ухода знакомых никакой драки у нас не было. Да, Рубцов буйствовал, кричал, но я-то ему не отвечала. Драка возникла между нами уже в 4 часа утра.

А дальше вообще абсурд:

«Рубцов кричал: «Я люблю тебя, Люда!», и драка продолжалась. Грановская схватила Рубцова за шею и задушила его».

В том-то и дело, что после крика Рубцова никакой драки уже не было. Я вдруг увидела его лицо с синюшным оттенком. В это же мгновение он с силой меня оттолкнул и перевернулся на живот. Вот этот рывок и стал для него смертельным.

Чтобы не погрешить против истины, надо сказать так: «Грановская схватила Рубцова двумя пальцами за шею и задушила его». Но ведь это же не цыпленок. Можно ли это сделать за те считанные секунды от крика Рубцова до наступившей тишины?

Соседи через стенку оказались, слава Богу, честными людьми.

Вот что сказал в своих показаниях Дмитрий Ледков: «Вечером 18 января в квартире Рубцова раздавалась музыка: Рубцов играл на гармошке, пел песни. Пение прекратилось около 23 часов, но началась ругань. Я слышал голос одного Рубцова. Потом я как-то уснул, но периодически просыпался. Ночью каждый раз слышал шум и ругань.

В четыре часа утра услышал какой-то стук – то ли упал стул, то ли что-то другое (это упал стол. – Л. Д.). Затем донесся крик: «Люда, я тебя люблю!» После этого Рубцов вроде бы заплакал и сразу наступила тишина. В дополнение могу пояснить, что я в течение ночи просыпался раза три-четыре и слышал нецензурную брань Рубцова...» Жена и дочь Ледкова подтвердили то же самое. Спасибо Вам, Дмитрий Ледков!

Удивительно то, что все это передано с предельной точностью. Даже предсмертные всхлипы Рубцова услышал Ледков. И сразу наступила тишина.

А в судебном протоколе именно после крика я стала его душить. Так, наверное, была бы слышна возня, снова стук, крики. Свидетель Ледков Д. В. рассказал то, что слышал. Именно по его честному рассказу и можно восстановить в истине всю картину происшедшего за стеной. «Вина Грановской в умышленном убийстве Рубцова подтверждена показаниями свидетелей Задумкина Н. Н., Лапина Б. А., Третьякова А. Ф. и других...»

Вот это меня поражает больше всего. Что могли подтвердить журналисты, если их не было рядом с нами, если они были далеко от места происшествия?

Фактически только то, что после их ухода в квартире остались двое: Рубцов и я. Как же они могут подтвердить мою вину в убийстве, да еще в умышленном?

Если бы, действительно, имело место умышленное убийство, то Рубцов умер бы «естественной» смертью алкоголика и судить было бы некого. По существу, единственный козырь суда – мое личное признание вины.

Можно представить потрясенную случившимся молодую женщину, которая сразу же бросается в милицию и берет всю вину на себя.

Наверное, каждый здравомыслящий человек понимает, что не могла же я добровольно оставить своего малолетнего ребенка и идти на долгие годы в тюрьму. Еще в кассационной жалобе я писала: «Меня поражает какое-то нелепое упорное стремление суда обвинить меня во что бы то ни стало любыми неблагоприятными методами в умышленном убийстве Н. Рубцова. Я протестую!»

Наивный я человек! Я не понимала тогда, что все идет по заданному сверху сценарию. К делу было приобщено (явно с подачи писательской организации) даже мое лирическое стихотворение «Ревность» 1961 года, когда я еще даже не знала о существовании поэта Рубцова:

О, так тебя я ненавижу
и так безудержно люблю,
что очень скоро (я предвижу)
забавный номер отколю!

Под «забавным номером» я, оказывается, подразумевала задуманное мной убийство поэта.

Но вот, наконец, можно привести и заключение судмедэкспертизы.

«По заключению судебно-медицинского эксперта смерть Рубцова Н. М. последовала от механической асфиксии от сдавливания органов шеи руками».

Но я не сдавливала шею руками. Мои щипки двумя пальцами передней части шеи Рубцова не носили характер непрерывного сдавливания. Дыхательное горло сдавлено не было (теперь я знаю: чтобы сдавить дыхательное горло, нужна невероятная мужская сила). Рубцов свободно дышал, иначе он не прокричал бы мне две фразы подряд: «Люда, я люблю тебя! Люда, я тебя люблю!» Все позвонки целы и невредимы. Только «на горле имеются множественные царапины».

Были обнаружены ссадины и на локтях Рубцова. О чем они говорят?

Когда с огромным усилием, отбросив меня, он перевернулся на живот, то локти рук были опорой для броска. Рубцов с такой силой уперся локтями в пол, что на них остались ссадины. Вот и все. Но дефицит правдивой информации породил множество самых невероятных «версий» о смерти Рубцова.

1. «Кумир «деревенщиков» Рубцов умер от того, что жена прокусила ему шейную артерию...» Марков В. Ф. – Антология 100 русских поэтов. – СПб, Изд-во «Алетейя», 1997 г.

2. «Один мой хороший знакомый, страстный собиратель всевозможных редкостей, любил пускать пыль в глаза своим гостям, демонстрируя им «уникальную» вещичку. На обухе заржавевшего топора с буроватыми подтеками непонятного происхождения четко просматривалась надпись: «Этим топором в январе 1971 года был убит известный поэт Николай Рубцов».— В. Романов.— «Вологодские новости», 15–21 мая 1997 г.

3. «Рубцов лежит в наброшенном на голые плечи пиджаке, голова свернута набок, на незащитной шее – глубокие раны, словно Рубцова рвал когтями какой-то страшный зверь...» — Н. Коняев.— Журнал «Север», № 3, 1998 г.

4. «Он (Рубцов) был задушен подушкой самостоятельной поэтессой, не стерпевшей его издевок над своими стихами».— А. Шуплов.— «Комсомольская правда», 10 октября 2000 г.

5. По слухам, она (Дербина) перегрызла Рубцову горло зубами».— К. Кузьминский.— «У голубой лагуны. Антология русской поэзии».— Л., Самиздат, конец 70-х гг.

6. «Она (Дербина) стянула на шее Рубцова концы его знаменитого шарфа... И передала Рубцову сонную артерию».— Я. Щедров.— «Комсомольская правда», 19 января 2001 г.

7. «Так вот, как всем хорошо известно, замечательный поэт Николай Рубцов погиб от руки женщины, которая была в него по уши влюблена. По некоторым источникам, она его зарезала. Здесь явно не обошлось без дурных аспектов Марса и, скорее всего, Урана. Но если бы там был замешан еще и Альфард, она бы его отравила. Это точно на сто процентов».— Газета «Экстра-Балт», 24 января 1995 г.

Как говорится, комментарии излишни.

Ну, а уж об устном народном творчестве говорить вообще не приходится.

Прошло ровно 30 лет и по чудесному Промыслу Божию было проведено исследование судебных документов о смерти Рубцова Н. М. экспертами высшей категории Ю. А. Молиным и А. Н. Горшковым. Я приведу из довольно объемного материала основное, а именно «Заключение».

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

1 ноября 2000 г.— 5 января 2001 г.— на основании отношения исполнительного директора Ассоциации писателей-инвалидов, члена Правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России Романова А. В. от 5 сентября 2000 г. за № 19, нами:

1. Молиным Юрием Александровичем, доктором медицинских наук, профессором кафедры судебной медицины СПб академии последипломного образования, заместителем начальника Областного бюро судебно-медицинской экспертизы, заслуженным врачом России,

действительным членом Международной Академии интегративной антропологии, государственным судебно-медицинским экспертом высшей категории и 2. Горшковым Александром Николаевичем, заведующим медико-криминалистическим отделом Областного бюро судебно-медицинской экспертизы, государственным судебно-медицинским экспертом высшей категории, проведено исследование копии приговора Вологодского городского суда от 7 апреля 1971 г. по уголовному делу № 22-406, которым Грановская Л. А. была осуждена по ст. 103 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы, и другие документы на 40 листах, связанные с убийством поэта Николая Рубцова.

Цель исследования

Формулировка мнения специалистов судебно-медицинских экспертов о возможном механизме причинения телесных повреждений Н. М. Рубцову и высказывание иных суждений на данную тему, входящих в компетенцию специалистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа доступных данных об обстоятельствах смерти Рубцова Н. М., 1936 г. р., последовавшей 19 января 1971 года, анализа состояния его здоровья, приходим к следующему заключению:

1. В приговоре суда приводятся ссылки на «Акт судебно-медицинской экспертизы», из которого следует, что «смерть Рубцова Н. М. наступила от механической асфиксии от сдавления органов шеи руками и что перед смертью Рубцов был в состоянии средней (близко к сильной) степени опьянения».

Указанное суждение вызывает ряд принципиальных возражений:

- о развитии механической асфиксии при жизни говорит ряд классических симптомов, доступных постороннему наблюдению, в том числе, непрофессиональному: судороги, одышка, выделение мочи, кала. Отсутствие этих симптомов подтверждается не только свидетельством Л. А. Грановской (Дербиной), но и объективными данными (наличие мочи в трупe, направленной экспертом для судебно-химического исследования);

- для финального этапа механической асфиксии типичны утрата сознания и полная мышечная атония (расслабление). У Н. М. Рубцова отсутствовали и эти симптомы: он кричал за несколько секунд до наступления смерти осмысленные фразы, что подтверждается показаниями незаинтересованных свидетелей, а затем перевернулся на живот, что подтверждается протоколом осмотра места происшествия и соответствующей фотографией;

- типичными для удавления руками повреждениями являются переломы подъязычной кости и хрящей гортани, кровоподтеки и ссадины,

свидетельствующие о достаточно длительном (не менее нескольких десятков секунд) локальном давлении пальцев рук нападавшего, и, соответственно, по форме и размерам соответствующие подушечкам пальцев (кровоподтеки) и краям ногтевых пластинок (полулунные ссадины). В обсуждаемом случае говорится лишь о царапинах, характерных для касательного (тангенциального), скользящего воздействия ногтей на кожу.

На момент составления экспертного документа действовало Методическое письмо Главного судебно-медицинского эксперта МЗ СССР «Об обнаружении и определении этилового спирта в трупном материале и судебно-химического анализа» (1961), однозначно трактующее концентрации этилового спирта. Судебно-медицинский эксперт, исследовавший труп Рубцова Н. М., был обязан конкретно оценить степень опьянения. По неясным причинам, этого сделано не было. Особенности поведения Рубцова Н. М. и обнаруженная в крови из его трупа концентрация этилового спирта однозначно свидетельствует о наличии у него опьянения средней тяжести, сопровождающегося значительной эмоциональной неустойчивостью, иногда опасной для окружающих, и другими признаками, приведенными в вышеуказанном Методическом письме (М., 1961).

Помимо возражений по существу экспертного документа, имеется и неправильность его оформления – при наличии постановления следователя о проведении экспертизы, соответствующий экспертный документ должен именоваться «Заключением», а не «Актом», как это говорится в приговоре.

2. Изложенные в п. 1 данные дают основание специалистам усомниться в наличии у погибшего Н. М. Рубцова механической асфиксии. Специалисты считают необходимым указать, что вышеуказанные признаки механической асфиксии и удушения руками являются классическими, имеющимися во всех учебниках судебной медицины со второй половины XIX века, поэтому судебно-медицинский эксперт, производивший экспертизу трупа Рубцова Н. М., обязан был знать о них.

3. Анализ данных, содержащихся в разделе «Исследование», позволяет констатировать, что:

- Н. М. Рубцов длительное время (многие годы) злоупотреблял спиртными напитками;

- Указанное злоупотребление к концу 1960-х – началу 1970-х гг. сформировало у Н. М. Рубцова заболевание – хронический алкоголизм с поражениями сердца (алкогольной кардиомиопатией). Последнее доказывается наличием у него жалоб на неприятные ощущения и боли в сердце, обращениями по поводу них за медицинской помощью, приемом сердечных средств, приносивших облегчение состояния;

– Сочетание в последние часы жизни у Н. М. Рубцова ряда объективных факторов: выраженного алкогольного опьянения (в фазе элиминации – окисления и выведения этилового спирта из организма, о чем свидетельствует превышение его в моче над концентрацией в крови), выраженного психо-эмоционального стресса, несомненно сопровождавшего предсмертную ссору, физического перенапряжения, связанного с обоюдным причинением телесных повреждений (при судебно-медицинской экспертизе Грановской Л. А. обнаружены рана и кровоподтек губы, царапины на руке и ноге) и борьбой, что подтверждается выраженным беспорядком при следственном осмотре места происшествия.

Сочетание указанных «факторов риска» могло способствовать декомпенсации сердечной деятельности. В данной ситуации перенапряжение, связанное с освобождением от рук нападавшей и ее резкое отталкивание явились последним фактором, который мог вызвать развитие острой сердечной недостаточности, приведшей к смерти.

4. Одновременно специалисты обязаны указать, что категоричное суждение о причине смерти Рубцова Н. М. может быть высказано лишь по результатам повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы по материалам уголовного дела (с привлечением специалистов в области судебной медицины, наркологии, кардиологии), так как полнота и научная обоснованность судебно-медицинского исследования трупа Рубцова Н. М. вызывает серьезные сомнения.

Специалисты в области судебной медицины:

Ю. А. Молин

А. Н. Горшков

Санкт-Петербург, 16 января 2001 года

Подписи заверяю:

Зав. канцелярией областного бюро

Судебно-медицинской экспертизы

Т. Л. Егорова

М. П.

Надо сказать, что некоторые мои обличители сетовали, что материалы уголовного дела о смерти Рубцова никогда не оглашались, а вот воспоминания преступницы публиковались уже в разных изданиях. Можно ли ей верить? Скорей всего, нет. Кто-то из мудрых сказал: «Господь выведет, как свет, правду твою...» Я в это не просто верю, я в этом уже не сомневаюсь. Итак, положимся на волю Божию, предадим себя его водительству.

...

Вот и в моей жизни, после страшных лет травли, оскорблений появился какой-то проблеск, надежда на то, что в смерти Николая Рубцова я виновата только косвенно. Когда летом 1999 года ко мне пришла моя землячка Шура Фаблинова из деревни Спирино Вологодской области, я

и подумать не могла, что именно она подаст мне кончик той ниточки, которая выведет меня на Юрия Александровича Молина, профессора, академика, заслуженного врача России, судебно-медицинского эксперта высшей категории. Этот замечательный человек был для меня, естественно, недосягаем.

...

Аделина Павловна Мельникова, патологоанатом, кандидат медицинских наук, тоже издала у Романова сборник своих стихов. Кроме стихов, посвященных юбилейным датам, в сборнике были и стихи о своей профессии. Были там строчки и о механической асфиксии, которые и остановили на себе внимание Романова. Романов немедленно позвонил Аделине Павловне и завел разговор о смерти Рубцова: «Я про это дело слышала, но во всех подробностях оно мне все-таки неизвестно. Единственный, кто реально сможет разобраться в этом деле,— это профессор М*** (Ю. А. Молин — Л. Д.), если, конечно, он заинтересуется. Ужасно занятой человек!»,— ответила А. П. Мельникова.

Ю. А. Молин, ученый с мировым именем, опубликовавший уже около сотни научных работ, издавший несколько книг о тайнах гибели великих людей, живших в XVIII–XIX веках, заинтересовался делом об убийстве Н. М. Рубцова.

Исследовав материалы дела, Ю. А. Молин пришел к заключению, что никакой механической асфиксии не было, Николай Рубцов не был убит, а умер собственной смертью от сердечной недостаточности.

Как пишет А. В. Романов, «появился юридический документ, реально поставивший под угрозу благополучие всех тех, кто «жировал на Рубцове», кто сделал на нем свое литературное имя... На личной трагедии и Рубцова и Дербиной делались вполне реальные и весьма немалые живые деньги. И любая попытка снять с Н. Рубцова ореол мученика внутренне ассоциировалась с абсолютно реальной возможностью остаться без «гарантированного на века» куска хлеба с маслом... По-моему, многие интерпретаторы тех крещенских событий должны быть благодарны Людмиле Дербиной за щедро предоставленную информацию. Сколько романов, повестей, пьес, киносценариев (и прочая, прочая...) списано с ее официально опубликованных объемных воспоминаний. При этом сколько еще и наплевано в этот неисчерпаемый кладезь разнообразных сведений о последних годах жизни великого поэта... Вечному паразитированию на «ужасных обломках», снятию оаций, пенок и сливок, получению незаслуженных гонораров на переписке дербинских книг приходит логический конец... Ужасно литературное будущее тех, кто больше не сможет спекулировать в своекорыстных целях на святом для «русской литературы имени Рубцова»...

Через 30 лет, наконец, открывается истина по чудесному Промыслу Божию: Рубцов умер своей смертью».

Людмила Дербина